

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina

Петрозаводский государственный университет, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Petrozavodsk State University, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irina.takala@onego.ru

«ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ!». ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА В КАРЕЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.*

'BORDER LOCKED!' SPECIAL ASPECTS OF STATE TERROR IN THE KARELIAN BORDER REGION OF THE 1920S — FIRST HALF OF THE 1930S

Abstract: This article explores the role of the state border in the unleashing of the Great Terror of 1937—1938 in the USSR. Focusing on the Finnish border and using a vast body of archival sources, it explores the gradual intensification of security measures in the border regions of Soviet Karelia, where a large share of the Finnish-speaking population and the proximity of a perceived aggressor state became the justification for the use of violence in the state's effort to provide for national security. I argue that the Soviet border regions, and especially Soviet Karelia, became one of the testing grounds for the large-scale use of violence as a form of governance of Soviet society.

Ключевые слова / Keywords: СССР, Финляндия, пограничные территории, Карелия, государственное насилие, Большой террор 1937—1938 гг. / USSR, Finland, Border Regions, Karelia, State Violence, Great Terror 1937—1938.

*Разведка наша — весь народ,
Враг не пройдет границы.
А коль пройдет, он попадет
В Ежовы рукавицы!*

Песня о чекистах. Музыка Н. Речменского, слова Г. Рублёва. 1938 г.

Специфика приграничья

В современной западной и российской историографии сталинская эпоха является одним из самых изучаемых периодов истории СССР. Впечатляет разнообразие школ, методик, подходов и рассматриваемых аспектов. За последние два десятилетия историография сталинизма обогатилась множеством интересных и глубоких работ, что явилось закономерным следствием российского архивного бума 1990-х гг., приведшего к определенной смене оптики в исследованиях. На новый уровень вышли дискуссии относительно причин формирования, классификации и целеполаганий сталинского

* Переработанный и дополненный вариант статьи: *Takala I. 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // Revue d'histoire nordique / Nordic Historical Review. 2015. № 19. P. 103—127.* Работа выполнена в рамках проекта МНОЦ FENNICA программы стратегического развития ПетрГУ 2016 г.

режима, его широкомасштабной репрессивной политики, внутренних и внешних стимулов этой политики, механизмов её реализации¹.

Вместе с тем, как справедливо отметил Николая Верт, постоянное накопление знаний ведет к тому, что историкам приходится отвечать на новые, еще более сложные вопросы и ответы на них уже никак не укладываются в упрощенные схемы тоталитарного или ревизионистского подходов в объяснении политики насилия сталинского государства². Тем более что многие аспекты сталинской репрессивной политики (такие, например, как вопросы преемственности политического насилия 1920-х гг. и массовых репрессий 1930-х гг., роль внешнеполитического фактора в нарастании террора, место и роль национальных операций в Большом терроре, особенности репрессивной политики на местах, в том числе в приграничье и т. д.) изучены еще недостаточно.

Так, практически отсутствуют работы, где специально и в комплексе рассматривалась бы специфика политических практик власти в национальных приграничных регионах. Полиэтничность и близость к внешнему миру неизбежно вели к формированию специфических методов управления приграничьем, причем на разных

¹ Историографический обзор всей огромной литературы по сталинизму не входит в задачи данной статьи, мы можем лишь отослать читателя к историографическим обзорам последних лет: *Keep J. L. H., Litvin A. L. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium*. London; New York, 2005; *Кроначев С. А., Кринко Е. Ф.* Потери населения СССР в 1937—1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012; Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР. М., 2011; *Хлевнюк О. В.* «Большой террор» 1937—1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433—451; Историография сталинизма: сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М., 2007. Анализ ситуации в современной отечественной историографии сталинизма позволяет говорить не только о «новом ревизионизме», но и о «новом тоталитаризме», представители которого, используя знания, накопленные в рамках прежних научных направлений, и методы как политической, так социальной и культурной истории, продолжают оперировать тоталитаристскими схемами (см.: *Степанов А. Ф.* «Большой террор» 1937—1938 гг.: Проблемы изучения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 98—111; *Его же.* Политические репрессии, Большой террор 1937—1938 гг. как средство социальной инженерии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2012. С. 237—248).

Мы бы также констатировали появление в современной России новой, так называемой «мобилизационной историографии», представители которой объясняют (а иногда и оправдывают) феномен сталинизма, отставив особый мобилизационный путь модернизации России и объясняя драмы советской истории неким генетическим кодом идеократической системы. Российский большевизм рассматривается в цивилизационном контексте как органичный наследник деспотий Ивана Грозного и Петра Великого, а также российской эгалитарно-антииндивидуалистической народной культуры (см.: *Фонотов А. Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993; *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006; *Ушакова С. Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009; *Морозов Н. М.* Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. Вып. 2. С. 175—184).

² *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 5. По мнению Роберта Даниелса, изменение взглядов на прошлое связано не только с открытием новой информации, но, пожалуй, в большей степени с новыми ассоциациями, которые рождает современность (*Daniels R. V.* *The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian Era*. Lexington, MA, 1990. P. 3). Эта фраза, написанная четверть века назад в связи с распадом СССР, нам представляется актуальной и сегодня.

участках границы выбор и варьирование этих методов находились в постоянной зависимости от множества факторов, не слишком важных для управления другими регионами и, тем не менее, коррелирующих всю внутреннюю политику страны в целом. Деятельность власти в приграничье в большей степени увязывалась с интересами государственной безопасности и дифференцировалась в зависимости от конкретных политических условий и складывающихся отношений с сопредельными странами.

В свою очередь население этих регионов, связанное с соседями порой многовековыми кроссграничными контактами, острее могло реагировать на мероприятия новой власти. Спонтанные реакции приграничного социума расценивались большевиками как государственная угроза и провоцировали дальнейшее насилие. Насилие это эволюционировало вместе с властью и обществом, нараставшие между ними противоречия, усиливавшиеся в обществе фрустрационные процессы создавали ту критическую массу, при которой власти, чтобы удержаться, уже невозможно было отойти от репрессивных методов.

К концу 1920-х гг. политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформируется в превентивные репрессии, постепенно становящиеся системообразующим фактором. Именно в приграничье эта превентивность террора просматривается наиболее отчетливо. Обуславливалась она стремлением государства превратить пограничные территории из контактных зон в зоны отчуждения, психологической напряженности и концентрации негативной социально-психологической энергии, которую можно использовать и как защитный, и как наступательный ресурс. Новая политическая концепция государственной границы с ее преимущественно барьерными функциями предполагала формирование «оппозиционной» модели политической и этнической идентичности жителей приграничья, что быстро можно было сделать, лишь запугав население или очистив стратегически важные зоны от недовольных и несогласных. Эксперименты социальной инженерии, направленные на формирование нового поколения уже собственно советских людей, принимающих примат государства над личностью, требовали времени. Поэтому массовые зачистки приграничных периферий стали главным методом решения многих вопросов уже на рубеже 1920—30-х гг.

В данной статье на примере Карелии мы намерены показать, что приграничные территории во многих смыслах уже с середины 1920-х гг. становятся своеобразным полигоном для поиска и испытания способов не только идеологической обработки, но и устрашения населения и карательных мер по отношению к недовольным.

Карельское приграничье в 1920-е гг.

Карелия, расположенная по обе стороны финляндско-русской границы, относится к многочисленным в Европе приграничным регионам, которые часто становились яблоком межгосударственного раздора. Специфика этого пространства российско-финляндского порубежья заключалась в том, что, с одной стороны, это была арена многовековой борьбы Швеции и России, а в XX в. — СССР и Финляндии и линия культурного разлома, разделявшая западную и восточную цивилизации. С другой стороны, Карелия долгое время оставалась широкой контактной зоной, местом взаимопроникновения культур, чему в немалой степени способствовал длительный мирный период XIX в. Тесные контакты приграничного населения, связанного экономическими, родственными, языковыми и культурными нитями, продолжались вплоть до конца 1920-х гг.

Граница в ее многочисленных проявлениях и значениях всегда оставалась важным, если не ключевым элементом в конструировании региона и региональной идентичности. В случае с Финляндией отношения с восточным соседом неизменно выступали в роли конструирующего фактора ее европейскости и «финскости»³. Для Восточной Карелии граница была фактором, повышавшим ее значимость как форпоста на границах русского государства (сначала как форпоста православия, а после 1917 г. как форпоста социалистического мира).

В межвоенное двадцатилетие XX в. финляндско-советская граница обретает еще один смысл, судьбоопределяющий для десятков тысяч жителей карельского порубежья.

Особенность Советской Карелии заключалась в том, автономия строилась усилиями красных финнов — небольшой группы политэмигрантов, покинувших Финляндию после поражения в гражданской войне 1918 г. Ее создание во многом обуславливалось военно-стратегическими и внешнеполитическими факторами: Карельская трудовая коммуна (Карельская АССР с 1923 г.) должна была, по замыслам Москвы и красных финнов, стать некоей буферной зоной, проводником советского влияния на Финляндию и Скандинавию. С 1920 по 1935 г. республику возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ, доктор философии Эдвард Гюллинг. В 1920-е — начале 1930-х гг. финская диаспора Карелии быстро увеличивается за счет иммиграции из Финляндии (красные финны, перебежчики), а также Северной Америки и к 1933 г. численность финнов в республике достигла 15 тысяч человек. Составляя

³ *Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of Finnish-Russian Border*. London, 1996. P. 155—163; *Соломещ И. Торговля и культура // De Urbe Uloa* 2008. Oulu, 2009. S. 34—36.

лишь 3,2 % от всего населения края, финны занимали видные должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями, работали в области культуры, образования, науки (т. н. финский период истории Карелии, 1920—1935 гг.)⁴.

Привлечение красных финнов для управления новым автономным образованием позволило центру решить проблему отсутствия в регионе проверенных большевистских кадров и национальной интеллигенции, а также активно использовать трансграничные этнические связи политэмигрантов для распространения своего влияния на Финляндию и сопредельные государства. Правда границы автономии, как и ее действительные возможности, оказались отличными от первоначальных замыслов, предложенных финским руководством республики. Это вполне соответствовало советским реалиям, видоизменявшимся под воздействием конкурирующих императивов: поддержка нациестроительства — необходимость экономической модернизации и централизации — многоуровневый политический и внешнеполитический контекст. По мере модернизации сталинской диктатуры трансграничное видение Карелии красными финнами перестало устраивать центр, все больше склонявшийся к централизации распоряжения ресурсами и изоляционизму.

Гражданская война и установление советской власти в Карелии затянулись на четыре года. Внешняя граница РСФСР была определена Тартуским миром с Финляндией (октябрь 1920 г.), однако окончательно утвердиться в приграничных районах большевики смогли после возвращения перешедших к Финляндии в 1918—1919 гг. Ребольской и Поросозерской волостей и подавления крестьянского восстания в Беломорской Карелии (январь-февраль 1922 г.)⁵. В июне 1922 г. было подписано

⁴ Подробнее о становлении карельской автономии и роли финнов в развитии республики см.: *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918—1923) // *Общественно-политическая история Карелии XX века*. Петрозаводск, 1995. С. 24—50; *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920—1939. Helsinki, 2000; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; *Baron N.* Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920—1939. London; New York, 2007; *Такала И.* Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // *Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX в.* / ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 125—148.

⁵ Об этих событиях см.: *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyyteykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918—1920. Porvoo; Helsinki, 1961; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo. 1917—1922. Porvoo, 1970; *Vahtola J.* «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuona 1918. Rovaniemi; Oulu, 1988; *Килин Ю. М.* Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918—1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=16560>, свободный.

Соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы⁶, и в республике устанавливается хрупкий мир.

Осенью того же года ВЧК была преобразована в ГПУ, в состав которого вошла и отдельная пограничная служба⁷. Передача пограничных обязанностей органам безопасности⁸ свидетельствовала об усилении собственно заградительных функций государственной границы. Теперь она маркировалась не только как рубеж страны, линия территориального раздела и экономического обмена, но и как канал проникновения враждебных элементов. Главная задача органов безопасности была прописана в Конституции 1924 года и заключалась в «борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом»⁹.

В соответствии с этой задачей долгое время главным объектом внимания ОГПУ в Карелии были так называемые «карбеженцы» или «каравантюристы»¹⁰ — жители пограничных районов, главным образом карелы, покинувшие родину в годы гражданской войны и возвращавшиеся домой по амнистии 1923 г. Только за короткий период в начале 1922 г. (как следствие подавления Карельского восстания) из Беломорской Карелии за границу ушло свыше 11 200 человек¹¹. По данным республиканского ГПУ, к августу того же года на территории Финляндии скопилось до 12—13 тысяч беженцев¹². Северные территории республики лишились свыше трети своего населения, из некоторых волостей за границу бежало до 80—90 % жителей¹³. Власти были заинтересованы в скорейшем возвращении беженцев в обезлюдившие районы, опасаясь к тому же, что длительное их нахождение в Финляндии будет использовано финляндскими властями для политической обработки восточных карелов. По данным чекистов, несколько сот человек обучались в финских военных школах, а

⁶ Красная Карелия: сб. Петрозаводск, 1925. С. 89—95. Полная демаркация советско-финляндской границы была завершена лишь в 1938 г. Подробнее: *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница. 1918—1938 гг. СПб., 2000.

⁷ Пограничные войска СССР 1918—1928: сб. документов и материалов. М., 1973. С. 12—14, 162—171, 198—199.

⁸ В Российской империи пограничная служба находилась в ведении Министерства финансов, в РСФСР до 1920 г. — наркоматов финансов, а затем торговли и промышленности.

⁹ Основной Закон (Конституция) СССР 1924 г. Гл. 9, ст. 61 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm#9>, свободный.

¹⁰ Советские власти события 1921—22 гг. в Беломорской Карелии называли «каравантюрой», отсюда и происхождение термина.

¹¹ *Nygård T.* Itä-Karjalan rakolaiset 1917—1922. Jyväskylä, 1980. S. 72. Еще приблизительно 3 тысячи беженцев ушли за границу в 1919 г. из Олонецкой Карелии (*Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 66).

¹² Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 80. Л. 79. В другой справке ГПУ того же периода названа иная цифра — 15 тысяч беженцев (*Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. С. 66). По данным П. Невалайнена, в 1917—1922 гг. в Финляндию ушли 16 500 восточных карелов (*Невалайнен П.* Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917—1939). СПб., 2003. С. 36).

¹³ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. С. 66.

карельскими активистами среди беженцев велась усиленная антисоветская агитация и шла их вербовка в военные организации и контрразведку¹⁴. При этом органы безопасности достаточно трезво оценивали ситуацию. По данным начальника карельского ГПУ В. Домбровского, из 15 тысяч беженцев 8 тысяч участвовали в восстании «сравнительно пассивно», около 5 тысяч, «совершенно не сочувствующих бандитизму», было уведено за рубеж насильно и лишь «максимум 10—12 % общего числа» ушло в Финляндию по собственной инициативе, проявив себя как «активный элемент»¹⁵.

Действительно, во время интервенции и гражданской войны различные силы предлагали карелам свои стратегии: присоединение к Финляндии, автономия в составе России, полная независимость Карелии. Но о каких-то четких национальных устремлениях основной массы карельского населения, тем более о едином национальном движении, говорить не приходится. Чисто национальные или социальные идеи и лозунги не могли оказать на местное крестьянство большого влияния: уровень жизни жителей как северной, так и южной Карелии (разъединенных диалектными различиями в языке и отсутствием дорог) был чрезвычайно низок, и в этих условиях для абсолютного большинства жителей края главными аргументами при выборе своего будущего могли стать обещания мира и безопасности, экономическая стабильность и поставки хлеба.

Возвращение людей началось уже с 1922 г. в соответствии с Соглашением между РСФСР и Финляндией об эвакуации на родину граждан обоих государств¹⁶. Предусмотренная условиями Тартуского мира и объявленная декретом ВЦИК от 30 апреля 1923 г. амнистия карельским беженцам¹⁷ ускорила этот процесс. Больше половины беженцев (по разным оценкам, от 6 до 8 тысяч человек) вернулись домой, около 5 тысяч карелов осталось в Финляндии¹⁸. Возвращение людей продолжалось до 1926 г., все беженцы проходили тщательную проверку и карантин¹⁹, но именно они оказались главным объектом внимания органов ОГПУ.

Разделы «бандитизм» и «шпионаж» неизменно присутствовали в недельных сводках ГПУ КАССР середины 1920-х гг., хотя уже с 1924 г. они не включали какую-то

¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 80. Л. 79; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 27—29.

¹⁵ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. С. 67.

¹⁶ Собрание узаконений (далее — СУ) РСФСР. 1922. № 50. Ст. 634.

¹⁷ СУ РСФСР. 1921. № 71. Ст. 573; СУ РСФСР. 1923. № 39. Ст. 405; СУ РСФСР. 1924. № 2. Ст. 20.

¹⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 276. Л. 92; 10 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 70; *Невалайнен П.* Изгой. С. 349.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 2/26. Л. 18, 22—23 и др.

убедительную информацию, кроме констатации, что «бандитизм постепенно изживается»²⁰, а «сеть финшпионажа, можно сказать, разгромлена»²¹. Тем не менее во многих пограничных волостях облавы и спецоперации с целью поимки «вражеских агентов» проводились регулярно. Жертвами этих операций были местные жители, и их размах свидетельствует о том, что это были первые целенаправленные акции по зачистке приграничных территорий от «нежелательного элемента». Например, весной 1925 г. только в двух волостях Петрозаводского уезда было арестовано 85 крестьян, обвиненных в шпионаже. Поводом для обвинения стали найденные у людей ржавые патроны и одна пулеметная лента, хранившиеся, очевидно, со времен гражданской войны²².

Параллельно с устрашающими репрессивными акциями власти вели активные агитационно-пропагандистские кампании по формированию у карелов нового образа соседней Финляндии.

Задача «отвлечь внимание карела от Финляндии» была поставлена сразу после окончания военных действий. В документах органов безопасности 1922 г. появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. «Финская агитация, — писал в одном из таких документов В. Домбровский, — свила и свивает себе прочное гнездо на советской территории и надо противопоставить для пресечения ее работы внутреннюю контрфинагитацию партийных сил»²³. Эту «контрфинагитацию» во многих местах вели красные финны, которых правительство Э. Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы. Большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только через Финляндию²⁴.

Еще больше запутывало людей то, что в дискурсе пропагандистов и местной прессы с самого начала присутствовал двойной образ Финляндии и финнов. Наряду с

²⁰ *Неизвестная Карелия*. С. 56.

²¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 675. Л. 12—14; *Неизвестная Карелия*. С. 77.

²² НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 675. Л. 13—14.

²³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 72. Л. 60.

²⁴ Закупки продовольствия для пограничных районов Карелии производились в Финляндии вплоть до середины 1930-х гг.: при отсутствии надежных транспортных коммуникаций это был единственный способ организовать регулярное снабжение хлебом отдаленные местности. Согласно решениям Совнаркома СССР, товары для нужд пограничного населения ввозились через границу беспощинно [Собрание законов (далее — СЗ) СССР. 1924. № 14. Ст. 145; СЗ СССР. 1925. № 66. Ст. 494].

фигурой грабителя-белофинна, «стремящегося превратить Карелию в колонию Финляндии», в газетах возникает и образ «истерзанной обескровленной красной Финляндии», которая должна возродиться и стать ближайшим союзником революционных русских и карельских крестьян²⁵. В результате происходит своеобразное наложение изображений: население экстраполирует предлагаемый властями образ белофинна-завоевателя на местных руководителей — красных финнов. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди, скорее, были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу. Вот, например, как суммирована эта противоречивая ситуация в спецполитсводке ОГПУ за 23 февраля 1923 г.: «Настроение крестьян в общем неудовлетворительно. Отношение их к Советской власти и РКП большей частью безразлично, местами даже враждебно, вследствие различных налогообложений, крайне подрывающих экономическое положение крестьян <...>. Авторитетом волревкомы среди населения никаким не пользуются, так как в них большей частью работают финны»²⁶.

Резкое противостояние между финским руководством районов и местным населением вызвала и т. н. политика «карелизации». С середины 1920-х гг. в республике начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой коренизации, проводившейся по всем национальным образованиям Советского Союза. «Карелизация» подразумевала выдвижение на руководящие посты, как карелов, так и финнов и использование литературного финского языка в качестве письменной формы выражения карельской речи. С середины 1920-х гг. большинство школ национальных районов КАССР переводится на финский язык, к 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке, в шести национальных пограничных районах не было ни одной русскоязычной школы²⁷. Карельское население пыталось сопротивляться коренизации, все больше принимавшей форму финнизации²⁸, однако центр, заинтересованный в проведении этой политики из стратегических соображений, поддерживал красных финнов в их языковом, образовательном и культурном строительстве вплоть до середины 1930-х гг.²⁹

²⁵ Олонецкая Коммуна. 1919. 30 апр., 2 мая, 24 июля; 1920. 27 июня, 28 июня; Карельская коммуна. 1922. 3 янв., 6 февр. и др.

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 692.

²⁷ Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: лекция. Петрозаводск, 2010. С. 15—25.

²⁸ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 15/145. Л. 79, 118; Ф. П-11. Оп. 5. Д. 29. Л. 12.

²⁹ Подробнее: Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск, 2009. С. 122—136.

В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниями типа: «У нас сидят пришельцы — финны, от них все беды»; «Почему все финны занимают должности, а карелы нет»; «Финны живут как в раю — все начальники и господа. Погибла Карелия»; «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный русские и карелы, это надо изжить пока не поздно»³⁰. Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, евреи³¹.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в республике складывался весьма противоречивый образ Финляндии и финнов. И этот образ «чужого» порой затмевал образ внешнего врага, навязываемый властями. Тем более что влияние Финляндии на приграничное население оставалось достаточно сильным, а воспоминания о прежней жизни на фоне тяжелого настоящего провоцировали такие высказывания: «Присоединили бы нас к Финляндии, и было бы жить лучше. Если бы финны в 1920 г. не отдали Карелии, то мы жили бы баронами»³². Население погранрайонов в конце 1920-х слушало почти исключительно финляндское радио³³.

Перемены, происходившие в стране на рубеже 1920—30-х гг., вели лишь к дальнейшему нагнетанию социального напряжения. Принятие первого пятилетнего плана, курс на индустриализацию и коллективизацию привели к ликвидации экономической автономии республики и свертыванию т. н. «пограничной политики» Гюллинга³⁴, нацеленной на экономический подъем приграничных национальных районов. Карелия все больше превращается в поставщика сырья для советской промышленности, экономическая ситуация вновь резко ухудшается³⁵. Недельные информационные сводки республиканского ГПУ конца 1920-х гг. уже мало чем отличались от аналогичных данных из других регионов страны, национальная рознь окончательно отходит на второй план. Фиксировалось недовольство людей условиями

³⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 365. Л. 16, 39, 41, 62; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 39, 99 —102; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 11; Д. 15/145. Л. 87, 91—92; Д. 28/325. Л. 47.

³¹ НА РК. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 365. Л. 65; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 26, 68.

³² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 6. М., 2002. С. 279.

³³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 117. Л. 67.

³⁴ См.: *Левкоев А. А.* «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940). Сыктывкар, 1996. С. 23—28; *Такала И. Р.* Финны советской Карелии. С. 118—119.

³⁵ Об экономической ситуации в республике в 1920—30-е гг. см.: *Кауппала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 309—336; *Baron N.* Soviet Karelia.

жизни и работы, снабжением товарами, злоупотреблениями и произволом низовых начальников и местных властей. Внимательно отслеживалась реакция населения на знаковые политические события. В 1927 г., как и везде, в связи с разрывом советско-британских отношений отмечался всплеск пораженческих настроений и слухов о скорой войне. Ожидание войны пугало людей само по себе, предполагаемый противник был не важен: «через месяц будет наступление со стороны Финляндии», «в районе с. Реболы идут разговоры, якобы будет война с Китаем», «вот скоро вспыхнет война, народ воевать не пойдет, и тогда увидим, что будет с коммунистами»³⁶. Слухи и фобии собирались осведомителями скрупулезно, в сводках встречаются даже специальные разделы «Разговоры между собой», «Разговоры за рюмкой вина».

К началу 1930-х гг. в сводках ГПУ о политической ситуации в республике акценты все больше смещаются в экономическую область — основное внимание уделяется теперь настроениям населения в связи с кампаниями по коллективизации и раскулачиванию. В целом архивные данные свидетельствуют о постоянно нарастающих антисоветских настроениях в Карелии, особенно в пограничных районах, находившихся в наиболее бедственном экономическом положении. Несмотря на нарастающие репрессии и усиленную пропаганду, политический климат в республике был далек от того, что хотели бы видеть власти. В большинстве случаев это нельзя назвать открытой оппозицией, просто люди продолжали оценивать события самостоятельно и высказывать собственное мнение, хотя все меньше публично. Зачастую пропагандистские кампании неожиданно для их организаторов сами провоцировали нежелательные разговоры и настроения, как это было, например, с «военными тревогами» конца 1920-х гг.³⁷ Идеология государства диктатуры пролетариата оставалась чуждой крестьянскому большинству: люди по-прежнему хотели просто жить в мире, работать, растить детей, иметь экономическую стабильность и хлеб.

Все это время разобщенное и атомизированное карельское общество, сугубо крестьянское и аполитичное в основной своей массе, жило в состоянии постоянной политической, социальной, национальной конфронтации между населением и властью, карелами и финнами, партийными и беспартийными, зажиточными крестьянами и деревенской беднотой, местными рабочими, мигрантами из других регионов России и

³⁶ НА РК. Ф. П-11. Оп. 6. Д. 5. Л. 18—20, 46—171; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 675. Л. 1—14; Ф. П-3. Оп. 2. Д. 178. Л. 59—72.

³⁷ В пограничной полосе, хотя и не только там, реакция на военную угрозу часто принимала открыто антисоветский характер: «Скоро будет война и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев и резать тех, кто стоит за советскую власть» (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923—1929. М., 2000. С. 19).

трудовой эмиграцией из-за рубежа и т. д. Шла непрекращающаяся борьба внутри республиканского руководства по вопросам экономического развития края и политики коренизации, с конца 1920-х гг. постепенно нарастало противостояние между финским руководством республики и центром. Геополитическое положение автономии и специфика отношений СССР с соседней Финляндией стабильности не прибавляли.

В этих условиях вектор государственного управления приграничьем все больше смещается в сторону прямых репрессивных действий.

Граница как опасность

Одним из главных аргументов, оправдывающих усиление террора, стал тезис о «внешней угрозе», который из жупела контрреволюции периода гражданской войны постепенно эволюционирует в «военные тревоги» конца 1920-х гг. и шпиономанию 1930-х гг.

Особенно активно внешнеполитические фобии начинают внедряться в общественное сознание после того, как происходит отказ от теории мировой революции и Сталин начинает развивать идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Его доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 1926 г. становится программным, объясняющим многие последующие перемены во внутренней и внешней политике. Наряду с объявлением войны внутренней оппозиции (призыв к борьбе за разоблачение троцкистско-зиновьевского блока) была окончательно сформулирована мысль о постоянно нарастающей внешней угрозе («Мы живем в капиталистическом окружении»³⁸).

Примечательно, что тезис о внешней угрозе в советской пропаганде становится все настойчивее по мере того, как укреплялись границы государства, росла мощь органов безопасности и уменьшались возможности контактов советских людей с окружающим миром. Если в 1920-е гг. пограничные территории во многих местах еще продолжали отчасти оставаться зонами этнокультурных и полулегальных экономических контактов³⁹, то в начале 1930-х гг. граница СССР уже полностью выполняет свои барьерные, заградительные функции, а приграничное население, весьма поредевшее в результате многочисленных «зачисток», «изъятий» и высылков, находилось под пристальным вниманием ОГПУ.

³⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 262.

³⁹ В Карелии, например, родственники по обе стороны границы продолжали поддерживать связь (письма, посылки, нелегальные переходы), велась торговля контрабандными товарами. О борьбе с экономической контрабандой на финской границе см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. С. 130—134.

Сам концепт «граница», в значении внешнего рубежа, который следует охранять, крайне редок в официальной пропаганде конца 1920-х — середины 1930-х гг. В работах Сталина, например, слова «неприкосновенность советских границ» появляются лишь весной 1939 г.⁴⁰ В его многочисленных анализах международного положения СССР на съездах, пленумах, в газетных статьях всегда присутствовали слова о защите Родины, СССР, но речь не шла об охране определенных конкретных рубежей⁴¹. Анализ этих текстов, скорее, заставляет думать о том, что за антивоенной риторикой скрывались имперские амбиции — расставание с мечтой о мировой революции не означало отход от идеи мирового коммунистического господства. Построение социализма в одной стране было лишь первым шагом на пути к всемирному господству пролетариата, и концепт границы в этих условиях не представлялся актуальным. Для успешности политики социальной мобилизации общества гораздо важнее было связать внутреннюю оппозицию с внешними угрозами. И если таких угроз не было, то следовало их выдумать.

Специалистами по советской внешней политике межвоенного периода убедительно доказано, что никакой реальной, непосредственной и масштабной угрозы СССР со времени его образования и до конца 1930-х гг. не было⁴². Разгоравшаяся внутри советского руководства борьба по вопросу о дальнейшем развитии страны требовала от противоборствующих сторон чрезвычайных мер для победы над противниками. Жупел военной угрозы нужен был Сталину и его окружению для окончательного сокрушения оппозиции и сосредоточения всей полноты власти в своих руках.

Созданная искусственно и в посторонних целях ситуация «военной тревоги» 1927 г. способствовала дальнейшему развитию предшествующего опыта политики насилия, выводя репрессии на новый, массовый уровень и обогащая новыми приемами. Разрыв Великобританией дипломатических отношений с СССР, убийство советского

⁴⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 301.

⁴¹ См., например: Сталин И. В. Заметки на современные темы // Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 322—361; Международное положение и оборона СССР: Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. // Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 41—59 и др.

⁴² Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). СПб., 2002. С. 306, 325; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М., 2010. С. 326. См. также: Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004. С. 243—276; Его же. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14—30; Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 49—53; Его же. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008.

посла П. Л. Войкова в Варшаве и теракты в Ленинграде⁴³ были использованы в целях разгрома внутрипартийной оппозиции и мобилизации общества для перемены политического курса. Средства, избранные для этого, уже вполне соотносимы с методами конца 1930-х гг. Внесудебный приговор и расстрел 20 заложников фактически возродил практики децимации периода гражданской войны. ОГПУ было разрешено передать право на вынесение внесудебных приговоров, вплоть до расстрела, соответствующим Полномочным представительством ГПУ на местах⁴⁴. Летом 1927 г. была проведена первая массовая операция по репрессированию т. н. «бывших» (бывшие помещики, бывшие белые, особенно вернувшиеся из-за границы, а также «кулаки и буржуи», «торговцы», «попы и церковники»). Жертвами этой операции стали свыше 9 тысяч человек⁴⁵. Всеобщее сопротивление населения, поставившее под угрозу хлебозаготовки, заставило сталинское руководство отказаться тогда от дальнейшего нагнетания военного психоза, но обобщенный образ «внешнего врага», опирающегося на внутреннего «врага народа», продолжал насаждаться в массы.

Это прослеживается и в лексиконе эпохи, чрезвычайно военизированном и агрессивном. Политический язык межвоенного двадцатилетия, рассчитанный на малограмотные слои населения, прошедшие ликбез для того, чтобы воспринимать газетные строки как абсолютную истину, был прост, груб, тавтологичен и перегружен политическими ярлыками. Это была прямая апелляция к эмоциям и подсознательным структурам психики адресата: слово теряло свое описательное значение, выражая только оценку или вызывая определенные ассоциации⁴⁶. Главными в языке советской пропаганды были немногочисленные, но ярко и эмоционально окрашенные лексемы, характеризующие врага — его интеллектуальную и психическую неполноценность (безумный, сумасшедший и т. п.), криминальную сущность (бандит, разбойник), агрессивность (захватчик, милитарист), относительную немногочисленность (клика) и

⁴³ См.: Данилов В. П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 22—23.

⁴⁴ Данилов В. П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 23. Отметим, что Положение о государственных преступлениях, вводившее в действие печально известную 58-ю статью УК РСФСР 1926 г. об ответственности за контрреволюционную деятельность, было принято уже в феврале 1927 г. (СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123).

⁴⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. С. 22, 77—82.

⁴⁶ Подробнее см.: Лассан Э. Р. Дискурс Большого террора: риторические средства и «лингвистический терроризм» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2012. С. 166—176; Щетнев В. Е. Язык сталинской эпохи // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2010. С. 93—97; Костылев Ю. С. Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919—1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2012.

некомпетентность в военном деле (авантюра). Повтор одинаковой лексики при характеристике различных врагов позволял связывать образ с чем-то уже знакомым и имеющим в языке стойкую негативную окраску. Этническая маркировка очередного противника зачастую сводилась просто к включению этнонима в уже созданный штамп (белополяк, белофинн) или использованию заимствованной лексики, подчеркивающей национальную специфику врага (пан, самурай, шюцкор)⁴⁷.

В конце 1920-х гг. основным противником СССР в будущей войне на западном направлении руководство страны считало Польшу, опирающуюся на финансовую и политическую поддержку Англии и Франции и выступающую в возможном союзе с Румынией, Эстонией и Латвией⁴⁸. В 1930-е гг. в число главных врагов включаются Германия и Япония. Отношения с Финляндией во второй половине 1920-х гг. оставались холодными и напряженными, однако считалось, что на советско-финляндской границе ситуация нормализовалась. С начала 1930-х гг. к Финляндии вновь стали относиться как к безусловному противнику, чему способствовали перемены в ее внешней и внутренней политике⁴⁹.

Тем не менее в пропагандистском дискурсе актуализация темы границы происходит только в конце 1930-х гг. на фоне Большого террора, событий в Манчжурии и действительного нарастания военной угрозы. Именно тогда возникает идеологематическое клише «граница на замке», которую наряду с прессой активно тиражируют литература⁵⁰ и кинематограф — достаточно вспомнить фильмы 1937—1939 гг. «Граница на замке», «Девушка с характером», «На границе», «Трактористы». В большинстве этих фильмов речь шла о дальневосточных рубежах, и японские шпионы появляются даже в песнях для детей (знаменитая «Пуговка» Евгения Долматовского 1939 г.). Детям в этой кампании уделялось особое место. В 1938 г. «Пионерская правда» из номера в номер начинает печатать произведения, на которых выросло не одно поколение советских детей, и где шпионско-диверсионная линия оказалась главной: повесть «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара и роман «Тайна двух океанов» Григория Адамова. Символика и метафорика государственной границы поникает даже в учебники для

⁴⁷ Костылев Ю. С. Лексические средства создания образа врага. С. 6, 13—14. В этом интересном исследовании рассматривается и образ финна в текстах, освещающих вооруженные конфликты между СССР и Финляндией в 1918—1944 гг. В качестве основных характеристик финна-врага превалируют агрессивность, связь с белым движением и авантюризм. По частотности упоминаний (см. таблицу на с. 16—17) финны сильно отстают от японцев (в 2,5 раза) и поляков (почти в 2 раза).

⁴⁸ Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. С. 18—19.

⁴⁹ Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. С. 115—116.

⁵⁰ Десятки очерков, статей, книг о границе и ратных подвигах пограничников тогда начинают издаваться массовыми тиражами: Граница на замке: рассказы и очерки. Сталинград, 1937; Граница. Минск, 1937; Граница. М., 1938; Александров А. У реки Халхин-Гол. М., 1938; Как мы били японских самураев. М., 1938 и др.

начальной школы и буквари⁵¹. Шпионский дискурс появляется в официальной риторике раньше, в связи с военными тревогами конца 1920-х гг., но в полную силу он зазвучал лишь на политических процессах 1936—1937 гг.

Таким образом, в идеологическом обосновании политики нарастающего террора уже с конца 1920-х гг. постоянно присутствовало сопряжение двух линий — внутренней и внешней. Однако эскалация насилия власти по отношению к обществу обуславливалась не наличием внешней угрозы, а трудностями, которые испытывал режим, старавшийся распространить свой контроль на все сферы общественной жизни. Политика насилия, ее масштабы во многом определялись степенью страха режима перед обществом⁵². С другой стороны, периодические идеолого-пропагандистские кампании по насаждению образов «своих» и «чужих» в разных обличьях не только позволяли канализировать потенциал социального недовольства в ненависть к «врагам», но и делали население соучастником репрессий, легитимируя политику террора. Ко второй половине 1930-х гг. критическая масса для перехода к тотальному террору была накоплена и достаточно нейтральная, не востребованная до сих пор идеологией лексема «граница» становится маркером фобий власти и оправданием ее действий у населения.

В приграничных регионах это происходит гораздо раньше в виде массовых зачисток погранполос и первых депортаций населения из стратегически важных районов. Слово «граница» в документах органов безопасности погранрайонов было ключевым с момента установления там советской власти. Тем не менее даже в начале 1930-х гг., когда зачистки приграничья приобретают этническую окраску⁵³ и все больше маркируются как «борьба со шпионажем», национальные меньшинства, родственные народам соседних враждебных государств (поляки, немцы, финны, эстонцы), еще не

⁵¹ *Илюха О. П.* Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. С. 205—213. Обращает на себя внимание то, что в изданном в Москве в 1935 г. методическом пособии для преподавателей обществоведения начальной и неполной средней школы в схеме урока, посвященного советской Родине, слово «граница» не употребляется даже там, где по всей логике должно присутствовать: «Капиталисты ненавидят страну советов, готовятся к войне. Трудящиеся нашей страны готовятся к обороне. Крепко заперты *ворота* (курсив мой. — *И. Т.*) нашей родины» (цит. по: Там же. С. 206).

⁵² В этой связи уместно напомнить о гипотезе Моше Левина. «Сущностью сталинизма» он назвал «институциональную паранойю», которую определяет так: «чувство бессилия, которое развивается в узком кругу высшего руководства, а затем у лидера этого руководства. Чем сильнее центральная власть, тем интенсивнее это чувство бессилия» (*Levin M. Bureaucracy and the Stalinist State // Kershaw L., Levin M. Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge, 1997. P. 67*). По мнению Н. Верта, эта гипотеза, предполагающая анализ таких ключевых вопросов, как строительство государства, институциональных, экономических и социальных потрясений 1930-х гг., более плодотворна, чем гипотеза «личной паранойи» диктатора, которой долго объясняли Большой террор (*Верт Н. Террор и беспорядок. С. 150*).

⁵³ Первые депортации поляков и корейцев в 1930—1931 гг. из приграничной полосы УССР, БССР, южных районов Дальнего Востока (см.: Сталинские депортации. 1928—1953 / под общ. ред. академика А. Н. Яковлева. М., 2005. С. 789—798).

являются главными жертвами государственного террора. Граница остается формальным поводом для расширения репрессивных акций в отношении приграничного населения.

Карельское приграничье в первой половине 1930-х гг.

Акции, начатые в 1920-х гг. по очистке погранполосы от «неблагонадежных элементов», в начале 1930-х гг. были продолжены широкомасштабной операцией, проведенной ОГПУ в приграничных регионах, непосредственно соприкасающихся с территориями Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции и Ирана. Операция по очистке погранполосы весны 1933 г. была первой крупномасштабной акцией органов безопасности в европейской части СССР, которая продемонстрировала, что борьба со шпионажем является удобным предлогом для массовых политических репрессий. Управлениями ГПУ Украины, Белоруссии, Западной области, Закавказья и Ленинградского военного округа было репрессировано свыше 19 тысяч человек, около 5 тысяч из них были объявлены резидентами иностранных разведок, остальные — участниками диверсионно-повстанческих организаций и групп⁵⁴.

В финляндском приграничье операция носила название «Дело о Заговоре финского Генштаба». Громкое название дела организаторы обосновывали тем, что второй отдел Финского генерального штаба якобы готовил вооруженное восстание на северо-западных приграничных территориях СССР, охватив разветвленной сетью своей агентуры 15 районов Карелии и 8 ингерманландских районов Ленинградской области. Перед агентами стояла непростая задача создания здесь сети контрреволюционных групп, которые, в свою очередь, должны были объединиться в крупную повстанческую организацию⁵⁵. По числу репрессированных операция, проведенная ГПУ Ленинградского военного округа и АКССР, оказалась одной из самых масштабных в стране, ее итоги докладывались Сталину⁵⁶. Всего по «делу о Заговоре ФГШ» было арестовано 2982 человека, более половины из них — 1641 человек — были причислены к диверсионным и повстанческим организациям и шпионским резидентурам финского генштаба, еще 427 человек оказались шпионами эстонского генштаба⁵⁷. Судя по обвинительным заключениям, такие факторы, как «сосредоточие» карелов в пограничных районах, «засоренность» этих районов «бывшими каравантюристами», систематическое отставание в выполнении различных народнохозяйственных планов,

⁵⁴ Органы безопасности Карелии. Петрозаводск, 2008. С. 84—85.

⁵⁵ Архив УФСБ по РК. Д. № П-18456. Т.17. Л. 162—164.

⁵⁶ Чухин И. И. Карелия—37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 24.

⁵⁷ Органы безопасности Карелии. С. 84.

являлись для ОГПУ неоспоримым доказательством наличия здесь контрреволюционных организаций.

Проведенная Военным трибуналом Северного военного округа в 1956—1962 гг. проверка доказала, что «дело» было полностью сфальсифицировано органами безопасности. Социальный и национальный состав репрессированных со всей очевидностью свидетельствовал о том, что основным назначением операции была расправа над недовольными политикой коллективизации и последствиями форсированной индустриализации, а также запугивание остальных. Абсолютное большинство арестованных составили карельские и ингерманландские крестьяне, половина проходивших по делу в Карелии оказались «бывшими каравантюристами». Существенно был почищен и низовой руководящий аппарат — председатели и члены сельсоветов, РИКов, колхозных правлений⁵⁸. Об истинном назначении операции свидетельствует и предварительная справка по делу (апрель 1933 г.), рисовавшая страшные картины массового голода в Карелии⁵⁹.

Как видим, в условиях социально-экономического и политического кризиса начала 1930-х гг. власти потребовались уже достаточно широкие устрашающие акции, которым в приграничных регионах вполне уместно было придать шпионскую окраску. В значительной степени также можно охарактеризовать и мероприятия середины 1930-х гг. по очистке 22-километровой погранполосы КАССР «от кулацкого и антисоветского элемента» (апрель 1935 г.) и последовавшую затем паспортизацию жителей 50-километровой погранзоны⁶⁰. Следует отметить, что понятие 22-километровой зоны здесь было достаточно условным. Еще с конца 1920-х гг. статус пограничной полосы имели полностью территории семи приграничных районов Карелии⁶¹, из которых и осуществлялись массовые высылки. Точные цифры до сих пор не известны, но очевидно, что жертвами этих операций стали несколько тысяч человек. Только за два дня, 24—25 апреля 1935 г., с полосы действия 1-го (Ухтинского) и 3-го (Петрозаводского) погранотрядов было выселено 275 семей общей численностью 1433

⁵⁸ Архив УФСБ по РК. Д. № П-18456. Т. 17. Л. 163—165.

⁵⁹ Там же. Л. 166—167. Подробнее см.: *Ренухова О.* Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // *Корни травы: сб. статей молодых историков.* М., 1996. С. 35—44; *Такала И. Р.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 176—179.

⁶⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 65. Д. 6. Л. 3—7, 11. Пограничная полоса шириной 50 км для Карелии была установлена Постановлением СНК СССР от 19.03.1935 и закреплена приказом НКВД № 105 от 4.05.1935.

⁶¹ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 129. Л. 18.

человека⁶². Специальными эшелонами людей отправляли в Сибирь, разрешив взять с собой лишь самое необходимое и двухмесячный запас продовольствия.

В результате всех этих мер численность населения приграничных территорий значительно сократилась, без рабочих рук остались многие колхозы национальных карельских районов. Обезлюдившие земли власти пытались заселить более «благонадежным контингентом»: взамен разрушенных в погранзоне начинают строить т. н. красноармейские колхозы, куда на работу направлялись демобилизованные из армии солдаты⁶³. Начало строительства красноармейских колхозов относится в Карелии к 1931 г., в 1935 г. их было уже десять в пяти пограничных районах. Они владели жалкое существование из-за нехватки средств и постоянной текучки — люди из них разбегались, не получив обещанного жилья и причитающихся за переселение денег. Надзирающие органы с тревогой отмечали, что никакого политического и экономического эффекта от этих колхозов нет, скорее наоборот, — происходит дискредитация самой политической идеи их создания⁶⁴.

Присутствие в республике пусть и небольшой, но очень влиятельной финской ирреденты, конечно, не могло остаться без внимания органов безопасности. По мере роста финского населения Карелии интерес к иммигрантам, большинство из которых, цитируя сводки ГПУ, являлись «элементом неблагонадежным», нуждавшимся в постоянной «разработке»⁶⁵, возрастал. Прежде всего, это касалось перебежчиков из Финляндии, причем так в документах зачастую называли всех, кто нелегально переходил советско-финляндскую границу, то есть и красных финнов, и финских крестьян, спасавшихся от голода, и карельских беженцев, и русских эмигрантов. До середины 1920-х гг. фильтрация перебежчиков была, как правило, операцией непродолжительной, после чего людей оставляли на жительство в Советской России. Постепенно проверка ужесточалась. С 1925 г. делами перебежчиков занимался специальный Комитет, в состав которого входили первые лица республики, в 1929 г. проверка полностью была передана в ведение ОГПУ⁶⁶.

Ситуация серьезно осложнилась в начале 1930-х гг. В результате экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии начиная с 1930 г. большие группы

⁶² Чухин И. И. Карелия—37. С. 27.

⁶³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 65. Д. 6. Л. 12—21. То же самое происходило и в других приграничных регионах (см.: Сталинские депортации. 1928—1953. С. 789—798), но мы бы не стали связывать эту акцию в Карелии с этническими чистками. Да и стать «символом советской ксенофобии» (Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011. С. 442) красноармейским колхозам было не суждено.

⁶⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 314. Л. 20—24.

⁶⁵ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 178—179.

⁶⁶ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф КРО. Оп. 1. П. 20. Л. 1—103.

людей, спасаясь от голода и безработицы, самостоятельно переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла в этом и пропагандистская компания, развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров в республику. По сведениям финских властей, широкая волна самостоятельных переходов советско-финляндской границы началась летом 1931 г. и к ноябрю в СССР ушло 1,5—2 тысячи человек. В сентябре 1932 г. число эмигрировавших на восток достигло 10 тысяч человек, а в январе 1933 г. газеты писали уже о 12 тысячах тайных перебежчиков⁶⁷. По оценкам исследователей, всего в начале 1930-х гг. в СССР эмигрировало из Финляндии 12—15 тысяч человек⁶⁸. В российских документах начало массового наплыва финперебежчиков датируется 1930 г. По сведениям Главного управления погранвойск СССР, за 1930—1934 гг. на советско-финляндской границе было задержано 12 950 нарушителей⁶⁹. Сколько человек благополучно пересекло границу, минуя погранзаставы, остается неизвестным.

Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда после проверки людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа. После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от красных финнов и североамериканских переселенцев⁷⁰ финперебежчики оказались в самых худших условиях, мало отличимых от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покинуть место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах⁷¹. Попытки вернуться обратно в Финляндию приводили к тому, что люди оказывались уже в настоящих лагерях.

Красные финны и североамериканские переселенцы тоже не остались без внимания, под наблюдение компетентных органов попадали и люди, занимавшие достаточно высокие номенклатурные должности, причем фиксировался чуть ли не

⁶⁷ UMA. 22 K Neuvostoliittoon salatein menneet suomalaiset.

⁶⁸ *Kostiainen A.* Loikkaarit. Helsinki, 1988. S. 57—64.

⁶⁹ Пограничные войска СССР. 1929—1938: сб. документов и материалов. М., 1972. С. 8.

⁷⁰ В начале 1930-х гг. в Карелию по вербовке приехало около 6,5 тысяч финнов из США и Канады. Подробнее см.: *Golubev A., Takala I.* The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI, 2014.

⁷¹ Подробнее: *Takala I. P.* Финны в Карелии и в России. С. 54—61.

каждый вздох человека⁷². Впоследствии материалы, собранные районными отделениями ГПУ, легли в основу дел против «финских буржуазных националистов». Аресты по обвинению в шпионаже среди финнов-иммигрантов начинаются уже в 1920-е гг. Среди финперебежчиков, находившихся в самом отчаянном положении, они проводились регулярно⁷³.

Тем не менее основным контингентом, разрабатываемым органами безопасности по подозрению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, вплоть до середины 1930-х гг. продолжало оставаться местное коренное население, что свидетельствовало о главном назначении репрессивных акций властей — борьба с недовольными режимом. В качестве «пятой колонны» позиционировалась не финская ирредента, а практически все карельское население погранрайонов. «Очищение» погранполосы от «неблагонадежных элементов» было, помимо прочего, и своеобразным способом избавления от проблем, которые власти не могли решить, — бесперебойное снабжение хлебом приграничья, налаживание быта населения, создание рабочих мест, развитие кооперативной торговли, дорожное строительство и т. д. Вопросы формирования надежного, с точки зрения властей, контингента приграничья пытались решать при помощи переселенцев из других регионов России.

Граница на замке!

Таким образом, специфика карельского приграничья заключалась в превалировании финского шпионского дискурса в репрессивной политике советской власти, а также в размахе «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора и направленных, в первую очередь, на местное карельское население. Дело о «Заговоре финского генштаба» по числу репрессированных оказалось на втором месте в СССР после дела Наркомата земледелия (6 тысяч человек). Кроме того, с 1929 по 1936 г. 3-й отдел НКВД АКССР (борьба со шпионажем) произвел 1719 арестов⁷⁴.

Конечно, финская разведка вела работу на территории Карелии⁷⁵. Финляндские спецслужбы тесно сотрудничали со спецслужбами Швеции, Германии, Англии, Латвии,

⁷² НА РК. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 28—29, 178—179; НА РК. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 904, 978, 980 и др. Следует отметить, что с не меньшим интересом за соотечественниками пытались следить и в ведомстве Эско Риекки (начальник финской сыскной полиции в 1923—1938 гг.). См., например: КА. ЕК-Valpo 1. 22, 27—30; УМА. 34, 100:89 и др.

⁷³ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. С. 71—83.

⁷⁴ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 171—174.

⁷⁵ См.: Turvallisuuspoliisi 75 vuotta. Helsinki: Paineikeskus Oy, 1994; Kosonen M. Raja railona aukea, tiedustela Neuvosto-Karjala 1920—1930-luvulla. Joensuu: Joensuun Yliopistopaino, 2001; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.

Эстонии, Польши. По данным некоторых исследователей, всего с 1918 по 1939 г. по заданию финских спецслужб в СССР было направлено 326 человек, многие из них годами ходили через границу⁷⁶.

В Советскую Карелию за тот же период было отправлено 135 агентов, на 80 % состоявших из карбеженцев. Пик их деятельности пришелся на 1921—1927 гг., а затем интенсивность забросок резко снижается. Вывод Э. Эльфвенгрена и Э. Лайдинена, приводящих эти цифры, о том, что карельское ГПУ и контрразведка успешно решили поставленную перед ними задачу, ликвидировав разведывательные ячейки финляндских спецслужб и предотвратив создание устойчивой агентурной сети в Советской Карелии⁷⁷, звучит несколько странно. Действительно, в начале 1930-х гг. северо-западная граница СССР перестает быть прозрачной, хотя и не непроницаемой. Но снижение забросок уже в конце 1920-х гг., скорее, объясняется тем, что к этому времени все желавшие карельские беженцы вернулись домой. К тому же в предыдущей книге Э. Лайдинена в соавторстве с С. Веригиным приводятся сведения, что органы безопасности СССР начиная с 1919 г. ежегодно арестовывали по 1—2 агента финских спецслужб, а всего за 1918—1939 гг. было арестовано 35 агентов⁷⁸. Судя по контексту, это из числа всех заброшенных в СССР, т. е. агентура финляндской охраны была выявлена менее чем на 11 %.

Разведывательная деятельность финнов не шла ни в какое сравнение с активной работой советской разведки на территории Финляндии, которая велась в том числе и при помощи финских коммунистов-подпольщиков. В 1933 г., например, Центральная сыскная полиция задержала около 3 тысяч человек, подозреваемых в шпионаже, из которых 516 человек были судами признаны виновными в государственной измене⁷⁹. Линии нелегальных переходов границы продолжали активно действовать до середины 1930-х гг. Сортавальский подотдел сыскной полиции, например, сообщал осенью 1933 г., что с границы потоком поступают сведения о встречах агентов ГПУ, о переходах через границу, чему противодействовать невозможно, так как силы полиции невелики⁸⁰.

Финская разведка против Советской России. Петрозаводск, 2004; *Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939.* Juva, 2012.

⁷⁶ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 175.

⁷⁷ *Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939.* С. 306—307. Авторы отмечают, что их данные являются приблизительными.

⁷⁸ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 219. Данные тоже названы приблизительными.

⁷⁹ *Rislakki J.* Maan alla. Helsinki, 1985. S. 166.

⁸⁰ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. С. 139.

Если об этапной деятельности коммунистов Сысской полиции удавалось получать информацию, то в очень незначительной степени она могла препятствовать работе этапов, которыми пользовались ГПУ, штаб РККА и разведотделы Ленинградского военного округа. Понимая, что закрыть наглухо границу невозможно, некоторые приграничные отделы предлагали ограничить размах деятельности разведки противника, очистив пограничную территорию от политически опасных элементов⁸¹. Но в этом финские органы безопасности уж никак не могли соперничать с советскими. Постепенное усиление в течение 1930-х гг. непроницаемости границы с советской стороны (путем массовых репрессий, высылки населения из приграничных районов, строительства заграждений из колючей проволоки и т. д.) повлекло за собой значительное сокращение вообще переходов границы, что дало, наконец, финским компетентным органам возможность сделать вывод: на границе никто, кроме представителей КПФ и ОГПУ-НКВД, появиться не может⁸².

Явный спад хождений финских коммунистов через границу был зафиксирован Центральной сысской полицией с 1935 г.⁸³ Это вполне объяснимо — в Карелии разворачивалась борьба с «финским буржуазным национализмом», в результате которой финляндской компартии советскими органами безопасности был нанесен урон, не сопоставимый с деятельностью финской охраны⁸⁴. Тогда же ослабевает и поток финперебежчиков, пытавшихся вернуться на родину. Финляндские власти старались способствовать этому процессу и вести учет возвращенцев⁸⁵. По оценкам сысской полиции, с 1930 г. по 15 августа 1936 г. в Финляндию нелегально вернулось из СССР 2014 человек. Позже их количество сократилось и не превысило 30 человек⁸⁶. Советской погранохраной и органами безопасности за 1929—1938 гг. было задержано 1128 человек, пытавшихся нелегально вернуться на родину⁸⁷.

Данные по разведывательной деятельности финских спецслужб в Карелии, приведенные Э. Эльфвенгреном и Э. Лайдиненом, позволяют сделать вывод о том, что, вопреки мнению ОГПУ, лишь ничтожная доля карбеженцев была завербована финской

⁸¹ Там же. С. 140.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Подробнее: *Takala I.* Suomen kommunistinen puolue ja Karjala 1930-luvulla // *Carelia*. 1994. № 9. S. 136—147; *Takala I. P.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы*. Петрозаводск, 1998. С. 161—206.

⁸⁵ См., например: *UMA*. 22 K — Neuvostoliittoon salatein menneet suomalaiset; *Aj:1* — Pietarin pääkonsulinviraston kortisto henkilöistä, jotka salateitse siirtyivät Suomesta Venäjälle 1932—1938; *Loikkaarit (kortisto)*.

⁸⁶ *Rislakki J., Lahti-Argutina E.* Meillä ei kotia täällä: suomalaisten loikkareiden joukkotuho Uralilla 1938. Helsinki: Otava, 1997. S. 219; *Kostiainen A.* Loikkaarit. S. 206.

⁸⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 276. Л. 49.

разведкой. Столь же незначительны сведения о шпионах среди финперебежчиков и в 1930-х гг. Центральная сыскная полиция под видом перебежчиков отправила в СССР примерно 6 агентов⁸⁸. Даже если эти данные были в несколько раз выше (что вполне вероятно), действия советских карательных органов следует считать абсолютно неадекватными реальности. Большой террор ожидался еще впереди, а в приграничье уже происходит его институционализация.

В современной исторической литературе о сталинизме оказалось весьма востребованным слово «инкубатор». Рональд Суни назвал СССР инкубатором наций, Йорг Баберовский определил НЭП как инкубационный период сталинизма, для Джеффри Брукса инкубатором групповой идентичности стала газета «Правда». Продолжая линию, мы бы назвали рубеж 1920—1930-х гг. инкубационным периодом Большого террора, а советское приграничье — своего рода полигоном для поиска и испытания способов воздействия крепнущего сталинизма на сопротивляющееся ему общество.

Список литературы

10 лет Советской Карелии. — Петрозаводск: Типография им. П. Ф. Анохина, 1930. — 297 с.

Верг Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. — М.: РОССПЭН, 2010. — 444 с.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. — М.: РОССПЭН; АНО, 2006. — 415 с.

Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. — М.: Кучково поле, 2008. — 381 с.

Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. 49—53.

Илюха О. П. Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. — С. 205—213.

Историография сталинизма: сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. — М.: РОССПЭН, 2007. — 478 с.

Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. — 2002. — № 2. — С. 309—336.

⁸⁸ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 195.

Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). — СПб: Изд-во Европейского университета, 2002. — 469 с.

Килян Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941 гг. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. — 275 с.

Костылев Ю. С. Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919—1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург: [б. и.], 2012. — 19 с.

Красная Карелия: сб. — Петрозаводск: Издание Наркомюста АКССР, 1925. — 306 с.

Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937—1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. — М.: РОССПЭН, 2012. — 349 с.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. — Петрозаводск: РИФ, 2004. — 293 с.

Лассан Э. Р. Дискурс Большого террора: риторические средства и «лингвистический терроризм» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. — М., 2012. — С. 166—176.

Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940). — Сыктывкар, 1996. — С. 23—28.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918—1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. — Петрозаводск, 1995. — С. 24—50.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923—1939. — М.: РОССПЭН, 2011. — 662 с.

Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. — 352 с.

Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. История. — 2011. — Вып. 2. — С. 175—184.

Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917—1939). — СПб.: Издательство «Журнал „Нева”», 2003. — 368 с.

Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? // История СССР. — 1990. — № 6. — С. 14—30.

Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 годах. — М.: Наука, 2004. — 323 с.

Органы безопасности Карелии. — Петрозаводск: Скандинавия, 2008. — 430 с.

Пограничные войска СССР 1918—1928: сб. документов и материалов. — М.: Наука, 1973. — 585 с.

Пограничные войска СССР. 1929—1938: сб. документов и материалов. — М.: Наука, 1972. — 775 с.

Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Корни травы: сб. статей молодых историков. — М., 1996. — С. 35—44.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918—1938 гг. — СПб.: Европейский Дом, 2000. — 222 с.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 томах. — М.: РОССПЭН, 2000—2012.

Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР. — М.: РОССПЭН, 2011. — 468 с.

Соломещ И. Торговля и культура // De Urbe Uloa 2008. — Oulu, 2009. — S. 34—36.

Сталинские депортации. 1928—1953 / под общ. ред. академика А. Н. Яковлева. — М.: МФД, Материк, 2005. — 902 с.

Степанов А. Ф. «Большой террор» 1937—1938 гг.: Проблемы изучения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. — Краснодар, 2010. — С. 98—111.

Степанов А. Ф. Политические репрессии, Большой террор 1937—1938 гг. как средство социальной инженерии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. — М., 2012. — С. 237—248.

Такала И. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX в. / ред. Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар. — Тарту, 2011. — С. 125—148.

Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. — Петрозаводск, 1998. — С. 161—206.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. — СПб.: Издательство «Журнал „Нева”», 2002. — 171 с.

Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. — С. 107—148.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: лекция. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. — 30 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы: в 5 т. — М.: РОССПЭН, 1999—2002.

Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. — Новосибирск: Сова, 2009. — 240 с.

Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. — М.: Наука, 1993. — 271 с.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — 430 с.

Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937—1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. — М.: Собрание, 2004. — С. 433—451.

Чухин И. И. Карелия—37: идеология и практика террора — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. — 161 с.

Щетнев В. Е. Язык сталинской эпохи // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. — Краснодар, 2010. — С. 93—97.

Baron N. Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920—1939. — London; New York: Routledge, 2007. — 331 p.

Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917—1922. — Porvoo: WSOY, 1970. — 217 s.

Daniels R. V. The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian Era. — Lexington, MA: D. C. Heath, 1990. — 269 p.

Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. — Juva: Minerva, 2012. — 384 s.

Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. — East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014. — 236 p.

Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyyteykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918—1920. — Porvoo; Helsinki: WSOY, 1961. — 355 s.

Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920—1939. — Helsinki: SKS, 2000. — 402 s.

Keep J. L. H., Litvin A. L. *Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium.* — London; New York: Routledge, 2005. — 248 p.

Kershaw L., Levin M. *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison.* — Cambridge: Cambridge U. P., 1997. — 369 p.

Kosonen M. *Raja railona aukea, tiedustela Neuvosto-Karjala 1920—1930-luvulla.* — Joensuu: Joensuun Yliopistopaino, 2001. — 265 s.

Kostiainen A. *Loikkaarit. Suuren lamakauden laitton siirtolaisuus Neuvostoliiton.* — Helsinki: Otava, 1988. — 284 s.

Nygård T. *Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922.* — Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1980. — 137 s.

Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of Finnish-Russian Border.* — London: John Wiley&Sons, 1996. — 353 p.

Rislakki J., Lahti-Argutina E. *Meillä ei kotia täällä: suomalaisten loikkareiden joukkotuho Uralilla 1938.* — Helsinki: Otava, 1997. — 336 s.

Rislakki J. *Maan alla: Vakoilua, vastarintaa ja urkintaa Suomessa 1941—1944.* — Helsinki: Love-kirjat, 1985. — 200 s.

Takala I. 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // *Revue d'histoire nordique / Nordic Historical Review.* — 2015. — No 19. — P. 103—127.

Takala I. *Suomen kommunistinen puolue ja Karjala 1930-luvulla // Carelia.* — 1994. — No 9. — S. 136—147.

Turvallisuuspoliisi 75 vuotta: 1919—1994. — Helsinki: Sisäasiainministeriö, poliisiosasto, 1994. — 204 s.

Vahtola J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». *Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918.* — Rovaniemi; Oulu: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. — 476 s.